

Наверное, у каждого, особенно если это связано с профессиональной деятельностью, существуют свои скелеты в шкафу. Есть такой и у меня — это дело, к которому я периодически возвращаюсь, задавая себе один и тот же вопрос: «Что же тогда было сделано не так?»

Свидетель

Как-то, когда я еще не пустился в самостоятельное плавание и работал в коллегии, зашел человек.

Представившись, он сослался на моего хорошего знакомого и попросил оказать ему юридическую помощь, так как его вызывают на допрос по уголовному делу в качестве свидетеля.

Такое тогда стало практиковаться, поэтому удивления не вызвало. Кстати, мой знакомый, на которого сослался этот человек, перезвонил мне вечером по этому поводу. Человек оказался врачом-неврологом, работником Главного бюро МСЭ по Вологодской области. Так я и узнал «о деле врачей», которое возбудило наше СУ СК. При этом оперативное сопровождение осуществляла ФСБ.

Так как никаких материалов по делу у меня в наличии не было, то пришлось для подготовки к допросу воспользоваться рассказом моего клиента.

Естественно, по его словам, «он был ни в чем не замешан и являлся лишь свидетелем». Зная по опыту, что такую информацию нужно принимать с осторожностью, я разделил ее на 10.

Допрос

Итак, допрос. С представителем ФСБ мы были знакомы, встречались ранее по нескольким уголовным делам. Допрос был какой-то не конкретный с намеками и полунамеками, поэтому закончился довольно быстро.

Когда мы уже собрались уходить, прозвучало знаменитое: «А вас, уважаемый адвокат, я попрошу остаться». Выйдя и договорившись со своим подопечным о встрече на следующий день, я возвратился в кабинет.

Разговор пошел довольно открытый, особенно когда он показал мне некоторые документы о «похождениях» моего клиента, в частности о выездных комиссиях в районы, где местными функционерами заранее собирались и передавались деньги, и работе с кавказцами, когда инвалидность получали не только их близкие, но и дальние родственники. Из всего этого следовало, что мой клиент не был таким уж белым и пушистым. Было также сказано, что вообще-то мой подопечный следствие не интересует, в отличие от руководителей Главного бюро МСЭ, против которых собственно и было возбуждено уголовное дело.

Он предложил моему клиенту чистосердечно признать 4-5 эпизодов, в которых участвовали эти люди, а дальше под него они «копать» не будут. Поэтому есть шанс получить не только небольшой, но даже условный срок.

При этом для пущей убедительности связал меня с руководителем следственной группы, который подтвердил сказанное, пообещав при этом, что после перехода моего клиента в статус подозреваемого ему также будет предложена даже сделка со следствием. Мне было прямо сказано, что им просто не хочется самим добывать необходимые доказательства, то есть банально не хочется работать. Поэтому он попросил меня переговорить с моим подопечным и убедить его согласиться с этим предложением.

В нашей среде обычно с подозрением относятся к чистосердечному признанию. Бытует даже выражение, что «чистосердечное признание – это прямой путь в тюрьму». Но ведь из каждого правила есть исключения. И это был как раз такой случай.

На следующий день мы обсудили с моим клиентом сложившуюся ситуацию. Я рассказал ему обо всем, что стало мне известно: как о положительных, так и отрицательных раскладах и последствиях в случае отказа от озвученных предложений. Показалось даже, что мне удалось его убедить, и он даже согласился на условия следствия. Но прямо перед следующим допросом отказался, сославшись на какие-то моральные обязательства, еще раз повторив, что «он ни в чем не замешан, а люди, которым он «помогал» его не сдадут».

Прямо скажем, заявление довольно противоречивое. И хотя на основании имеющегося опыта я постарался его убедить в том, что в уголовном деле люди прежде всего спасают себя и при этом совершенно не думают о близких. При этом проявляются самые низменные их качества, тем болеем 5 что за несколько последних десятилетий наше население значительно деградировало. Как тут не вспомнить теорию этногенеза Л. Гумилева? Он выслушал все это, но, по-моему, не придавал серьезного значения. Было еще несколько допросов, но они носили больше формальный характер.

На прощание представитель ФСБ заявил с еле скрываемой досадой, что они, конечно, расследуют все эпизоды преступлений, совершенных моим подопечным, и

по результатам будут давить со всей пролетарской прямотой.

Прозвучало довольно зловеще. На этом наше соглашение с моим подопечным было исчерпано, и мы расстались. Я с облегчением, думаю, что и он, уверовав в свою безнаказанность, ведь он по-прежнему официально оставался лишь в ранге свидетеля.

Второе пришествие

Прошел год. Я уже забыл об этом деле. Но вот в один прекрасный день он снова появился в коллегии и уже в ранге подозреваемого, что было ожидаемо. Первой мыслью было отказать ему, так как обо всем этом я его предупреждал. Но так как по жизни всегда руководствовался принципом: «Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть о не сделанном», все-таки взялся за защиту.

Мы заключили соглашение на первый этап — этап следственных действий. Так обычно делается в большинстве случаев. Когда мы пришли на первый допрос, оказалось, что дела обстояли еще хуже, чем я предполагал. Мой, теперь уже подзащитный, обвинялся по 140 эпизодам в рамках ст. 285, 290, 292 УК РФ. Следствие провело действительно огромную работу и выполнило свои обещания. Начались следственные действия по эпизодам.

Что-то мой подзащитный отрицал, в чем-то вынужден был признаваться. При этом после допросов говорил, что наиболее крупные суммы он передавал в конвертах упоминавшимся ранее руководителям, ему же оставалась лишь небольшая часть. Исходя из этого, я заявил ряд ходатайств о проведении очных ставок как с этими руководителями, так и людьми, которые незаконно, по мнению следствия, получили инвалидность. При этом он почему-то был уверен, что эти люди будут свидетельствовать в его пользу, хотя из материалов дела следовало обратное.

В удовлетворении ходатайств нам первоначально было отказано, поэтому отказы пришлось обжаловать, в том числе и через суд. Хорошо помню, что в самом начале, при заключении соглашения, предупредил его, что дело, безусловно, идет о лишении свободы, поэтому можно биться лишь за срок, а также о том, что в рамках начавшегося следствия будет обязательно наложен арест на имеющиеся счета и имущество. Поэтому лучше заранее принять необходимые меры. Мы тщательно проработали тактику поведения на очных ставках. Но то, что там произошло, не вписывалось ни в какие рамки.

Так на очных ставках со своими руководителями, когда речь зашла о пресловутых «конвертах» с деньгами, противная сторона заявила, что ей передавались не деньги, а просто документы с медицинской информацией. К моему удивлению, мой подзащитный подтвердил это, то есть подтвердил, что никаких денег он не передавал.

Ничего вразумительного для объяснения своего поведения, после того как мы вышли от следователя, он сказать не мог. На очных же ставках с людьми, получившими инвалидность, в которых мой клиент был уверен, они давали показания против него. Доходило до того, что некоторые женские особи даже требовали от моего подзащитного стоимость конфет или коньяка, которые они ему презентовали, так как инвалидность ведь с них в результате следствия сняли. Это уже была наглость, поэтому я напоминал им о ст. 291 УК РФ – дача взятки и санкции по ней в виде реального срока. После чего они растерянно смотрели на следователя, и их агрессивность прекращалась. Действительно, абсолютное большинство

эпизодов, которые были признаны взятками, – это были коробки конфет, коньяк и другие сувениры.

За год скрупулезных расследований, а именно это было сделано после отказа моего подопечного от сотрудничества, были проверены все, получившие инвалидность, и если документы были на момент ее получения не в порядке, хотя бы потом это и было исправлено, то инвалидность отменялась, а полученные деньги возвращались в бюджет. Когда этот процесс начался, то многие прибежали сами, ведь явка с повинной в данном случае освобождала от ответственности. При этом эти люди не преминули кинуть камень в сторону моего подопечного. Итак, очные ставки прошли, но это нам ничего не дало, а лишь еще раз подтвердило виновность моего клиента, чему он в немалой степени способствовал сам.

Через несколько месяцев следственных действий был наложен арест на денежные счета моего подопечного и его имущество. Несмотря на мое предупреждение, он ничего не предпринял, очевидно, посчитав его несерьезным.

У меня складывалось впечатление, что человек не понимает всей серьезности происходящего. Вместе с тем, нужно было ему как-то помогать, ведь выжить в местах лишения свободы далеко не просто. Будучи на следственных действиях по другому делу в «десятке» – это межобластная больница для осужденных, зашел к ее начальнику и, рассказав о своем подопечном, попросил поспособствовать ему в отбывании наказания, желательно в его учреждении. Оказалось, что он хорошо знал его и попросил подойти для разговора. Я передал его приглашение своему клиенту. Сначала он, как всегда, согласился.

Позже, спросив о результатах разговора, получил ответ, что «он туда не пойдет, так как у них разные взгляды на медицину». Вот так, комментарии, как говорится, излишни. Тем временем следствие продолжалось. Какие-то эпизоды удалось снять, но они не делали погоды. Наиболее серьезные, а их было около двух десятков, остались. Среди них было и злоупотребление должностными полномочиями, и получение взяток, и даже служебный подлог. Мой же подопечный продолжал удивлять, закатывая такие сцены, что хоть стой, хоть падай. Так на очередном допросе прозвучала довольно эмоциональная эскапада, суть которой состояла в том, что

он просто всегда хотел быть «крутым», именно этим и объясняется его поведение. Ведь это же так круто прийти со своей спутницей в ресторан, в котором тебя встречает сам хозяин и накрывает на стол, причем бесплатно. Для меня это было довольно неожиданно, а у следователя вообще не вызвало никаких эмоций.

Болезнь

С каждым днем мне все труднее становилось добираться на допросы. Сильно болело колено. Срочно требовалась операция, которую я все время откладывал до лучших времен. Наконец следственные действия практически закончились, осталось лишь ознакомление с материалами дела. А у меня, как выражаются хирурги, в колене все «заклинило», пришлось сдаваться и ложиться в больницу. Ознакомление с материалами проводил уже в палате. С руганью, но следователи привозили мне материалы дела.

По итогам подготовил более десятка процессуальных документов, которые были уже для суда. В больнице провалялся долго, а потом много времени ушло на восстановление. Ходить

практически не мог. Поэтому соглашение на защиту в суде мы уже не заключали. Попытка подключить к этому делу своих коллег не увенчалась успехом. Видя мои мучения с этим клиентом, никто из них за дело не взялся. Поэтому в суде, очевидно, у него уже был защитник по назначению.

Итог

На какое-то время я потерял это дело из виду, нужно было быстрее восстанавливаться, чтобы работать и зарабатывать на жизнь. Поэтому все было сосредоточено на этом. Уже позже узнал, что моему бывшему подзащитному по общей совокупности дали 8,5 лет, то есть сделали из него главного злодея. Руководители, которых судили ранее, получили значительно меньшие сроки. Наверное, это была попытка, с одной стороны, успокоить общественное мнение более жестким приговором, а с другой, месть следствия моему подопечному за отказ от сотрудничества.

Эпилог

Фактически мой подопечный из 8,5 лет отсидел 2 и трагически погиб, жестоко избитый заключенными. Его мозг в соответствии с заключенным им ранее соглашением с клиникой KrioRus был крионирован.

Вот такая трагическая история. К сожалению, я так до конца и не понял этого человека. С одной стороны, либерально настроенный меланхолик, желавший быть «крутым». С другой, в отличие от своих руководителей, как выяснилось, совсем не обогатившийся за 10 лет безнаказанности. При этом почему-то считавший, что он не нарушал закон, а если и нарушал, то совсем немного, ведь другие нарушали его значительно больше.

Кроме того, он считал, что еще и практически бескорыстно помогал людям оформить инвалидность при отсутствии части документов, правда которые он зачастую подделывал, а также решал вопросы в их пользу в случаях граничных состояний. Подарки в виде конфет и коньяка взятками можно было назвать лишь формально. В силу трагичности событий память периодически возвращает меня к этому времени. При этом я все время пытаюсь ответить себе на вопрос: все ли было сделано, чтобы вразумить человека? Может быть, просто не было найдено нужных слов. И к сожалению, не нахожу на него ответа. Хотя по здравому размышлению, если бы даже ситуация развивалась по-другому, и я участвовал в суде, то максимум на что можно было рассчитывать в сложившихся условиях — это скостить срок на год-полтора, причем в нескольких судебных инстанциях – и, пожалуй, все.

Прошу оценить и прокомментировать.

Автор: [Сиротин Владимир Алексеевич](#)

Источник: <https://www.9111.ru/questions/777777771455900/>